

В.В. ТИТОВ

кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
Россия, г. Москва

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Статья посвящена проблеме институциональной организации государственной политики идентичности в Российской Федерации с учетом особенностей развития политической системы постсоветской России и роста геополитических рисков. Анализируется опыт зарубежных стран по созданию институтов национальной памяти как специализированных государственных структур, деятельность которых ориентирована на формирование соответствующей модели национально-государственной идентичности на основе полномасштабной реструктуризации коллективного образа прошлого. При этом проведенное исследование позволяет утверждать, что указанный опыт в силу ряда исторических и социально-политических обстоятельств, связанных, прежде всего, с этнокультурным многообразием российского общества, не является приемлемым для современной России. Также отмечается, что важнейшими условиями совершенствования институционального профиля политики идентичности, контуры которой формируются в сегодняшней России, является ее дальнейшее смысловое наполнение, выработка и четкое формулирование целей ее реализации.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, государственная политика идентичности, институциональная организация, образ врага, институты национальной памяти, историческая политика.

Одной из важных проблем политической науки в современной России является комплексное осмысление феномена национально-государственной идентичности, его содержательных аспектов и механизмов формирования в условиях турбулентной социально-политической реальности XXI века. При этом речь идет не только о глобальных политических изменениях, геополитических вызовах и рисках, воздействующих на траекторию

российской национально-государственной идентичности, но и о трансформации социального фона ее формирования [3. С. 25-41; 4; 5. С. 89-96]. В связи с этим в поле зрения отечественных исследователей попадают такие «мегатренды» современности, как тотальная (и во многом – хаотическая, слабо регулируемая) цифровизация всех сфер жизнедеятельности общества, становлении принципиально нового информационно-психологического ландшафта повседневности, возрастающая неустойчивость и, отчасти, дисфункция традиционных институтов социализации.

Безусловно, указанные процессы носят во многом транснациональный характер. Тем не менее, важно подчеркнуть, что их особая острота для нашей страны обусловлена как минимум двумя факторами. Во-первых, необходимо признать, что тотальный кризис национально-государственной идентичности 1990-х гг., ставший следствием распада СССР, последовавших за этим глубоких и болезненных социально-политических трансформаций, на сегодняшний день преодолен не до конца. Его последствия сказываются на состоянии политического сознания российских граждан и сегодня. Прежде всего, они проявляют себя в сохраняющейся аморфности символических контуров «матрицы» российской идентичности, внутренних мемориальных конфликтах (которые носят не столь резонансный и дисфункциональный характер, как в 1990-е и даже в начале 2000-х гг., но продолжают существовать в массовом сознании), разбалансированности системы общего исторического образования. Во-вторых, международно-политические события конца 2010-х – начала 2020-х гг. наглядно продемонстрировали, что вопрос формирования полномасштабной национально-государственной идентичности важен не только в политико-психологическом ракурсе, с точки зрения состояния общественного сознания, но и в его геополитическом преломлении. По существу, он сопряжен с проблемой полноценной геополитической субъектности России как одного из мировых центров силы, резистентности российского общества к внешним информационным и социокультурным вызовам современности.

Следует заметить: если в 1990-е – начале 2000-х гг. в центре внимания российской политической науки был вопрос «что есть российская идентичность?» и каковы ее наиболее важные условно константные и генетические характеристики, то сегодня особую актуальность приобретает осмысление государственной политики идентичности как многопрофильного инструмента ее целенаправленного формирования. Предваряя обсуждение проблем институциональной организации политики идентичности в современной России, необходимо зафиксировать, как именно она определяется в политической науке XXI столетия. Следует признать, что сегодня наблюдается известная полифония мнений и интерпретаций данного понятия. Она обусловлена как сложностью его концептуального становления, структурной операционализации (подразумевающей ответ на вопрос, какие именно

элементы входят в структуру политики идентичности?), так и известной его метафоризацией. Последняя вызвана разночтениями в трактовке понятия «национально-государственная идентичность» и склонностью ряда исследователей, опираясь на ранние зарубежные работы [9. Р. 765-773; 10. Р. 87-100], подразумевать под политикой идентичности борьбу разнообразных миноритарных групп за свои права. То есть, в центре такого подхода традиционно оказывается общественно-политическая активность разнородных меньшинств, протекающая в условиях, если не противостояния социальному большинству, то серьезной напряженности. В частности, именно о существовании такой – по существу, конфликтогенной и одномерной трактовке рассматриваемого понятия пишет В.А. Ачкасов. Он отмечает: термин «политика идентичности», утвердившийся в 1960-1970-х годах... употреблялся в значении «практики утверждения ущемленными в социальном статусе меньшинствами и группами... права на общественное признание и легитимность...» [1. С. 72].

В конце XX столетия на авансцену вышел и принципиально иной подход к осмыслению политики идентичности и роли государства в ней, который можно охарактеризовать как инструментальный. Согласно ему политика идентичности представляет собой целенаправленную деятельность власти по консолидации политического сообщества. Главным механизмов такой деятельности выступает историческая политика, понимаемая также весьма специфично – как селективное и, по большому счету, манипулятивное использование исторических фактов правящими элитами для достижения собственных политических целей. Важно отметить, что становление такого взгляда на проблему конструирования национально государственной идентичности и роль исторической политики (как, соответственно, функционального ядра политики идентичности) в этом процессе связано с постсоветским транзитом конца 1990-х гг., происходившим тогда в странах центральной и восточной Европы. Наиболее ярко суть данного подхода выразил польский историк и бывший глава МИД Польши А. Ротфельд: «историческая политика» означает, что наше понимание прошлого должно формироваться современностью. Другими словами, историческая политика близка к инструментализации истории, состоящей в том, что одни факты извлечены на поверхность, а другие скрыты – в соответствии с нуждами тех, кто стоит у власти» [8].

По нашему мнению, сегодня наиболее оптимальным и взвешенным (с точки зрения развернутого, а не одномерного элитарно-ориентированного понимания государственной политики идентичности) для понимания государственной политики идентичности является третий – структурно-конструктивистский взгляд, основанный на симбиозе положений социального конструктивизма и структурного функционализма. Согласно ему национально-государственная идентичность представляет собой разновидность

идентичности макрополитической, специфическое представление о «нас» как о сообществе, формирующееся в массовом сознании. Репрезентациями указанного представления являются различные его проекции- массовые образы: образ «нашей» территории, образ «нашего» прошлого, образ будущего, образ «значимого другого». В этом случае политика идентичности представляет собой целенаправленную, долгосрочную и институционально оформленную деятельность государства по конструированию национально-государственной идентичности [1. С. 72-74]. В основе такой деятельности, по мнению О.В. Поповой, лежит «набор чаще всего закреплённых в юридических актах, но имеющих символическое и идеологическое наполнение политических проектов, практик и инструментов» [6. С. 92-94].

Справедливо полагать, что на сегодняшний день одной из ключевых проблем государственной политики идентичности в Российской Федерации является поиск ее, если не *оптимального, то хотя бы приемлемого институционального оформления*. Важно отметить, что, несмотря на присутствие термина «идентичность» в стратегических документах (например, в Стратегии государственной национальной политики РФ в редакции 2012 г.), политика по ее комплексному формированию не выделяется в качестве самостоятельного направления государственной деятельности, и тем более, не рассматривается как стратегический приоритет. В этом, пожалуй, состоит одно из заметных отличий современной России от ряда государств центральной и восточной Европы (Польши, Румынии, Чехии, Украина и др.), где в 1990-2000-е гг. были созданы Институты национальной памяти – специализированные структуры, фокус внимания которых сосредоточен не столько на вопросах сохранения исторического наследия (политике памяти в ее узком, первоначальном понимании), сколько на целенаправленном использовании исторических аргументов и образов в конструировании общенациональных ценностно-символических пространств самоидентификации. При этом характерная особенность деятельности всех этих зарубежных институтов состоит в акценте на условно «трагических» сюжетах национальной истории, активном использовании образа «врага». Общеизвестно, что наиболее часто в роли такого генерализованного «врага» рассматривается историческая Россия во всех ее государственно-политических формах: доимперской («Московия» как «наследница Орды»), имперской («тюрьма народов» и «жандарм» свободного мира), советской («тоталитаризм»), современной.

Показательно, что дискуссии о необходимости создания института национальной памяти развернулись и в России. При этом звучат различные части диаметрально противоположные точки зрения. С одной стороны, в последнее время весьма популярным является мнение, что «России необходим свой аналог института национальной памяти. Да, это должен быть крупный научно-исследовательский центр с функцией координации всей

исторической работы, надзора за состоянием исторического образования, с обязанностью проводить экспертизу всех произведений, в том числе художественных, создание которых обеспечивается при поддержке, в том числе и финансовой, государства... Он обязан вести активнейшую информационную и просветительскую деятельность, способствовать сохранению исторического наследия» [7].

С другой стороны, многие эксперты, критически воспринимающие данное начинание, указывают и на опасность «монополизации» исторических трактовок государством, и на, отчасти, псевдонаучный и конъюнктурный характер восточноевропейских институтов такого типа, и, что крайне существенно, на сложность функциональной адаптации такой структуры к уже существующим и весьма инерционным российским административным реалиям. Так, они ссылались на не вполне успешный опыт функционирования Комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам РФ: «создавая особый политический орган для регулирования исторических проблем, мы поставили себя на одну доску с теми, кого осуждаем за использование истории в политических целях» [2].

Однако важно отметить, что зарубежный опыт институциональной организации государственной политики идентичности не исчерпывается относительно новыми восточноевропейскими и постсоветскими кейсами. На наш взгляд, сегодня к наиболее успешным примерам системной реализации государственной политики идентичности (подчеркнем – именно государственной, в которой механизмы государственного управления занимают центральное место) можно отнести опыт Израиля, КНР, Ирана и ряда других – преимущественно, неевропейских – государств, в которых соответствующие институты конструирования идентификационных нарративов весьма органично вмонтированы в политико-административные структуры культурной, информационной и, что крайне важно, научно-образовательной политики. Вместе с тем, указанный опыт, хотя и представляется весьма интересным с практической точки зрения, по понятным причинам также не может быть механически воспроизведен в российских реалиях, так как все же ориентирован на унифицирующие практики массовой макрополитической самоидентификации, как правило, с мощным религиозным или квазирелигиозным компонентом. Естественно, такая конфигурация не вполне отвечает реалиям российского полиэтнического и многоконфессионального социума, даже если рассматривать ситуацию упрощенно и ставить цель сформировать некую «зонтичную» идентичность – условного «гражданского» (на практике – преимущественно формально-декларативного) типа.

Следовательно, перед действующей властью, сотрудничающими с ней негосударственными структурами вырисовывается весьма объемная стратегическая задача, связанная с концептуализацией и детальной проработкой

российской национальной модели государственной политики идентичности. При этом, на наш взгляд, указанная модель не должна рассматриваться редуцированно – как набор транслируемых «сверху» концептов и мировоззренческих констант, «государственная идеология». Также представляется функционально ограниченным и противоположный по своей сути реактивный подход к решению данной проблеме: ситуация, когда стратегия формирования российской национально-государственной идентичности подменяется набором краткосрочных, по большому счету, локальных и тактических мер в сфере патриотического воспитания, культуры и молодежной политики.

Не претендуя на полномасштабный анализ всего круга проблем, стоящих перед государством в сфере выработки и реализации политики идентичности, представляется возможным выделить основные организационно-структурные задачи, которые, по нашему мнению, являются наиболее рельефными и актуальными в контексте современных политических вызовов:

- разработка нормативной базы реализации государственной политики идентичности с учетом уже существующего правового фундамента (Стратегии государственной национальной политики РФ, Стратегии национальной безопасности РФ, Стратегии государственной молодежной политики РФ, Закона РФ «О днях воинской славы и памятных датах» и др.).

- поиск приемлемого институционального дизайна политики идентичности, реализуемой государством – создание координационного центра ее реализации на различных уровнях публичной власти: общедоиниональном, междоиниональном (на уровне доиниональных округов), субъектов доинионации;

- преодоление все более отчетливого дисбаланса между ретроспективным и проективным компонентами в конструировании российской национально-государственной идентичности, что предполагает активизацию деятельности по проектированию развернутого общенационального образа будущего;

- создание эффективной системы мониторинга, социально-политической (в том числе, этнополитической) ситуации и соответствующих рисков в российских регионах, поскольку от указанного фактора напрямую зависит эффективность политики государства в области формирования общероссийской модели национально-государственной идентичности;

Резюмируя указанные выше задачи, необходимо подчеркнуть, что представленный перечень не является исчерпывающим. Речь идет лишь о репрезентации тех проблемных аспектов государственной политики идентичности, которые лежат преимущественно в организационно-управленческой плоскости, являются весьма злободневными и, следовательно, требуют оперативного реагирования со стороны властных институтов.

Таким образом, можно констатировать, что проблема институциональной организации государственной политики идентичности в современной России характеризуется остротой и многоплановостью. Ее решение подразумевает комплексный подход и не может быть сведено ни к механическому воспроизводству зарубежных практик, ни к созданию новых структур в системе государственного управления. Важно также подчеркнуть, что какая-либо продуктивная и системная деятельность по развитию институциональной конфигурации государственной политики идентичности в Российской Федерации возможна только при условии ее дальнейшего смыслового наполнения, подразумевает выработку соответствующих стратегических приоритетов и долгосрочных целей ее реализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ачкасов В.А.* Политика идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. № 4.
2. Для внутреннего употребления // Российская академия наук // <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=5961b0b7-d9c8-4e7c-a0d3-7c1ccaf7362e&print=1>.
3. *Лапкин В.В.* Метаморфозы идентичности в условиях глобализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7. № 2.
4. *Левкина Ю.Ю., Алимтиева А.В.* Дискурсы идентификации и проблема конструирования идентичности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 12.
5. *Малинова О.Ю.* Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2.
6. *Попова О.В.* О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. 2020. № 4.
7. России необходим свой Институт национальной памяти // ИА Реалист // <https://realtribune.ru/news-authority-4527>.
8. *Ротфельд А.* Спрос на правду // Новая Польша. 2011. № 1 // <http://www.nowpol.ru/index.php?id=1422>.
9. *Anspach R.* From stigma to identity politics: political activism among the physical: disabled and former mental patients // Social science and medicine. medical psychology and medical sociology. 1979. Vol. 13.
10. *Ackelsberg M.* Identity Politics, Political Identities: Thoughts toward a Multicultural Politics // Frontiers: A Journal of Women Studies. 1996. № 16 (1).

V.V. TITOV
*PhD (Political Sciences),
Senior Researcher, Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

STATE IDENTITY POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION: THE PROBLEM OF INSTITUTIONAL ORGANIZATION

The article is devoted to the problem of the institutional organization of the state identity policy in the Russian Federation, taking into account the specific of the political system of post-Soviet Russia and the growth of geopolitical risks. The article analyzes the experience of foreign countries in creating institutions of national memory as specialized state structures, which are aimed at forming an appropriate model of national-state identity based on a full-scale restructuring of the collective image of the past. At the same time, the conducted research shows that this experience, due to a number of historical and socio-political factors, related to the ethno-cultural diversity of Russian society, is not relevant for modern Russia. It is also noted that the most important conditions for improving the institutional profile of identity policy, the contours of which are being formed in today's Russia, are its further semantic content, development and a clear formulation of the goals of its implementation.

Key words: *national-state identity, state identity policy, institutional organization, enemy image, institutions of national memory, historical policy.*